

В 2009 г. Израильская Академия наук выпустила в свет сборник, посвященный памяти выдающегося лингвиста, бесспорного лидера израильской египтологии и семитологии на протяжении нескольких десятилетий Ханса-Якоба Полоцкого (1905–1991), профессора Еврейского университета в Иерусалиме. 8–12 июля 2001 г. в Иерусалиме состоялась конференция, посвященная десятой годовщине кончины ученого. Материалы конференции, опубликованные спустя восемь лет после ее проведения, и составляют содержание рецензируемого сборника.

Участники конференции представили на рассмотрение коллег 28 докладов, из которых в сборнике напечатаны 25. Все опубликованные работы так или иначе связаны с основными сферами научных интересов Х.-Я. Полоцкого: египтологией, коптологией, гебраистикой, арамеистикой, ассириологией, арабистикой, эфиопистикой. Среди авторов сборника – лингвисты из Израиля, Германии, Великобритании и других европейских стран; для некоторых из них, близко знакомых с Х.-Я. Полоцким при его жизни, вклад в публикацию рецензируемого сборника явился прежде всего данью памяти покойного коллеги и учителя.

Сборник открывается статьей британского семитолога и эфиописта Э. Уллендорфа, ученика и близкого друга Х.-Я. Полоцкого, «Молодой (и не очень) Полоцкий: ученый и учитель». Автор подробно рассказывает о различных аспектах профессиональной деятельности Полоцкого, используя в качестве основы повествования как личные воспоминания, так и не публиковавшиеся ранее архивные документы.

За биографической по своему характеру статьей Э. Уллендорфа следует первый тематический блок статей, посвященный египтологической и коптологической проблематике. Путь Х.-Я. Полоцкого в лингвистике начинался с

египтологии; именно в эту область (а также в близко родственную по кругу проблем коптологию) Полоцкому удалось внести наиболее весомый вклад – речь идет о разработке теории системы времен египетского глагола, нашедшей выражение в ряде работ ученого [Polotsky 1965; 1976], а также о создании первой и до сих пор пользующейся наибольшим признанием теории синтаксиса предложения в коптском языке (ср. прежде всего его фундаментальное исследование [Polotsky 1944], а также работу [Polotsky 1960]).

Статья О. Гольдвассер «Сравнение классифицирующих языков и классифицирующих письменностей: случай древнеегипетского языка» представляет собой резюме результатов, полученных ею в процессе исследования графем египетского письма, обычно называемых детерминативами. Значение феномена детерминативов, известного и по ряду других письменностей с преобладанием идеографического принципа соответствия между обозначающим и обозначаемым (шумеро-аккадская клинопись, китайское письмо и др.), по сути выходит за рамки общей теории письма и тесно связано с когнитивными аспектами языка и мышления в их неразрывном единстве. Автор подвергает системному сопоставлению использование детерминативов в египетском письме, с одной стороны, и функционирование классификаторов как особого грамматикализованного разряда слов, свойственного целому ряду языков мира, с другой. Хотя, как признает сама Гольдвассер, приводимый в статье список обнаруженных параллелей далеко не полон, он тем не менее достаточно красноречиво свидетельствует об изоморфизме и функциональном сходстве систем детерминативов и классификаторов.

В статье «Некоторые аспекты употребления *jw* в среднеегипетском» Г. Затцингер приводит примеры различных конструкций с ча-

стицей *jw* на разных этапах развития египетского языка, в том числе редкие примеры типа *jw sšp* «есть свет» без наречия или предложной группы в качестве сказуемого. Затрагиваются вопросы синтаксического анализа употребления частицы, ее семантики и этимологии.

В статье «Методологические проблемы описания коптской (мор)фонологии» В.П. Функ излагает результаты исследования фонологических систем коптских диалектов и построения реконструкции на их основе. Статья состоит из введения, четырех разделов, заключения и двух приложений. В разделе «Структурная фонология», посвященном синхронным проблемам фонологии конкретных диалектов, автор настаивает на скрупулезном изучении орфографии текстов, позволяющем в ряде случаев лучше постичь фонологию языка писца. Именно с помощью такого анализа орфографии текстов на диалекте *F4* Функ приходит к открытию замечательного факта, что в этих текстах различие написаний *ou* и *u* – в отличие от прочих диалектов – играет смысловозначительную роль: ср. *haou* ‘день’ (*[haʔu]) и *hau* ‘быть плохим’ (*[haw]). В саидском диалекте оба слова пишутся одинаково (*hoou*). Открытие Функа позволяет предположить, что и в саидском диалекте они также читаются по-разному: *[hoʔow] и *[how] (ср. уже известные пары *joou* *[ʃoʔow] ‘скажи их!’ и *joou* *[ʃow] ‘посей их!’). В разделе «Междиалектная фонология» автор вносит дополнения и поправки в деривационную фонологическую модель для коптского языка, предложенную Ф. Хинце и основанную на работах Хомского и Халле. Для каждого отдельного слова модель представляет собой таблицу, где в первой строке в косых скобках приводится праформа, в первом столбце – упорядоченный список релевантных правил, а во внутренних ячейках для каждого диалекта указывается результат действия соответствующего правила (либо ставится прочерк, если оно для данного диалекта нерелевантно). На выходе (в последней строчке) даются реальные формы в коптской орфографии. Всего таких правил 41 (у Хинце – 23), все они приводятся в Приложении I. Среди наиболее важных отличий от работы Хинце – несколько иной взгляд на природу коптских фонологических противопоставлений (так – вслед за множеством современных коптологов – Функ постулирует для пар *o:w* и *e:y* противопоставление по подъему, а не по долготе), а также увеличение числа анализируемых диалектов: наряду с диалектами *S*, *B* и *A* Функ привлекает к рассмотрению диалекты *F*, *L4*, *L6*, *P* и недавно открытый диалект *M*. В разделе «Структурная морфонология» в качестве примера рассматривается правило аспирации взрывных перед сонорными

в бохейрском диалекте, условия которого для таких «тяжелых» приставок, как *et-* ‘который’, *at-* ‘без’, *met-* ‘-ство’/‘-надцать’ еще подлежат тщательному изучению на основе исследования орфографии конкретных текстов. В разделе «Междиалектная морфонология» рассматривается алломорфия личных показателей на праязыковом уровне, а в Приложении II приводятся правила распределения алломорфов.

Статья А. Никкаччи «Вклад Полоцкого в исследование египетской глагольной системы и сравнение с библейским ивритом» состоит из трех разделов. В разделе «Теория Полоцкого о среднеегипетском глаголе» автор кратко и схематично излагает основные принципы так называемой «стандартной теории» Полоцкого, ключевым моментом которой является разделение всех глагольных форм на именные, адъективные и адвербиальные, а также признание наличия в египетском языке грамматикализованной выделительной конструкции (*cleft sentence*). В разделе «Обсуждение: хаос или начало новой парадигмы?» Никкаччи анализирует причины, по которым теория Полоцкого была отвергнута значительной частью египтологов (в том числе на конференции в Дании в 1986 г.). Автор акцентирует внимание на том, что претензии предъявлялись не к результатам или прогнозам теории, а к ее методам, в частности, к тому факту, что парадигма Полоцкого не вписывалась в современные дискурсивно ориентированные теории, а была исключительно структуралистской и опиралась в основном на синтаксический анализ предложения. Как пишет Никкаччи, многие современные лингвисты охотно применяют к египетскому языку такие функционалистские термины, как «тема», «топик» без предварительного синтаксического анализа текста, без каких-либо теоретических обоснований перенося установленные на английском материале категории на мертвый африкарийский язык. Автор встает на защиту Полоцкого и приводит аргументы в пользу правоты «стандартной теории» в решении основных вопросов: эмфатическое или имперфективное значение форм *mrr.f*, синтаксическая природа конструкций типа *mrr.f irr.f* ‘если он любит, то делает’, анализ предложений с *jw*, *h'.n* и *m.k* и различие между этими вспомогательными элементами. Не отказывает автор Полоцкому и в теоретическом превосходстве, утверждая, что прочие египтологи путают языковые уровни: грамматический (уровень клаузы), синтаксический (уровень предложения) и дискурсивный (уровень текста), не пытаясь провести четкие границы между ними. Затем Никкаччи классифицирует египетские предложения с «наречным сказуемым» и подробно останавливается на безглагольных предложе-

	Прямая речь	Нарратив
Настоящее	Безглагольное предложение	Безглагольное предложение
Прошедшее (первый план)	(x-) <i>qaṭal</i> → <i>wayyiqtol</i> (в серии)	<i>wayyiqtol</i> → <i>wayyiqtol</i> (в серии)
Прошедшее (второй план)	<i>x-qaṭal</i> (и т. д.)	<i>x-qaṭal</i> (и т. д.)
Будущее (первый план)	<i>x-yiqtol</i> → <i>w^eqaṭal</i> (в серии)	
Будущее (второй план)	<i>x-yiqtol</i>	<i>x-yiqtol</i> / <i>w^eqaṭal</i> (обычай, описание, предвидение)

ниях с вынесенным топиком (*Ynty n.i-im(y) sw*), который автор синтаксически отождествляет с аподосисом условного предложения (*mrr.firr.f*), и на предложениях структуры «именная группа + глагольная форма», которые автор делит на две группы (на основании сочетаемости с *ju*): псевдоглагольные конструкции и конструкции с вынесенным топиком. В разделе «Применение подхода Полоцкого к библейскому ивриту» Никкаччи пытается совместить структуралистский подход Полоцкого с дискурсивным подходом Вайнриха, постулирующего для глагольных форм противопоставления (1) прямой речи и нарратива, (2) прошедшего, настоящего и будущего времени и (3) переднеплановой (в главной предикации) и заднеплановой (в зависимой предикации) информации. Приведем итоговую таблицу (1) для библейского иврита. Особо подчеркивается частичный параллелизм между глагольными системами библейского иврита и позднеегипетского языка.

Помимо раздела, который включает работы египтологов и коптологов, в сборник вошли и составили основную часть его объема статьи, посвященные как проблемам лингвистической семитологии, так и общей теории грамматики.

Статья Ш. Изреэля «Конструктивные конструкции: семитская глагольная морфология и не только» фактически посвящена устройству глагольной системы семитских языков в целом, хотя автором непосредственно затрагиваются лишь два языка – аккадский и современный иврит. По мнению Изреэля, использование традиционного для еврейских грамматик термина «*baṣuap*» (прочно закрепившийся в русской семитологии эквивалент этого термина – «порода», подробнее см. ниже) скорее приводит к затемнению правильного восприятия структуры семитского глагола, нежели способствует этому восприятию.

В первой части своей статьи Ш. Изреэль формулирует систему строения глагольных форм аккадского языка, представляя материал в виде трехмерной матрицы, на двух гори-

зонтальных осях которой располагаются соответственно главные и второстепенные основы (= «породы») аккадского глагола, а на вертикальной оси – основные парадигмы финитного глагола и нефинитные образования глаголов каждой основы. Вслед за этим приводится список правил, ступенчатое применение которых к исходной основе позволяет правильно образовать любую глагольную форму от заданного глагольного корня. Автор ставит вопрос о том, как следует расположить выделяемые им морфемы на континуальной шкале «словообразование – словоизменение». Предложенная им схема этого расположения устроена таким образом, что ближе всего к словообразовательным значениям оказываются морфемы, традиционно рассматриваемые в ассириологии как пороодообразующие (в терминологии Изреэля называемые «аугментами первого и второго ранга»). В середине континуума располагаются морфемы, образующие нефинитные формы глагола, в то время как финитные парадигмы оказываются ближе всего к словоизменительному полюсу шкалы. Подобная классификация в целом хорошо укладывается в современные представления о значении семитских глагольных форм, согласно которым традиционно выделяемые «породы» выражают категории залога и актантной деривации, а также различные «совершенности» (симулятив, адьютатив и др.) – значения, которые в языках мира гораздо чаще относят к словообразовательным, чем к словоизменительным. Весьма интересным представляется установленное автором достаточно четкое соответствие между аугментами обоих рангов и чисто консонантными аффиксами, с одной стороны, и между аффиксами финитных и нефинитных форм и вокалическими трансфиксами (*patterns*), с другой.

Во второй части статьи объектом рассмотрения является система глагольных форм современного иврита. Классификация глагольных основ, а также словоизменительных моделей с различными трансфиксами представлена в виде таблицы. Автор отмечает, что современ-

ный иврит, в отличие от большинства остальных семитских языков, характеризуется выраженной тенденцией к производству новых глагольных лексем по старым словообразовательным моделям с опорой не только на семантические, но и на чисто формальные критерии. Это видно прежде всего по образованию новых глаголов от заимствованных слов: ср. такие примеры, как общепринятый в разговорной речи глагол *hišvic* 'хвастаться' (← идиш *švicn* тж.), а также окказионализм *šeyablidu* (импровизированная детская полукалька с англ. *let them bleed*), в которых принадлежность глагола к породе *hiḥil* задается не морфологическим значением каузативности, которого у этих глаголов нет, а исключительно звуковой структурой исходных иноязычных лексем. Автор задается вопросом: может ли изучение семитских языков внести нечто новое в общелингвистическую концепцию словообразования и словоизменения? Изреэль придерживается мнения, что различие между словоизменением и словообразованием не может быть абсолютно четким, так как, несмотря на некоторые установленные типологические закономерности, оно варьирует от языка к языку и носит континуальный, а не дискретный характер. Словоизменение и словообразование могут использовать одинаковые стратегии, но различаться порядком их применения; кроме того, языки могут пользоваться одинаковыми формами то в словообразовательных, то в словоизменительных процессах – в зависимости от конкретного фрагмента языковой системы. Так, общераспространенным в семитских языках является систематическое применение вокалических трансфиксов в области именного словообразования, в то время как в глаголе трансфиксация используется почти исключительно как словоизменительное средство. Последнее замечание автора касается термина «*baḥan*», которым в гебраистике уже долгое время обозначаются глагольные основы различной формы и семантики. Значимым недостатком системы «биньянов» в ее традиционном виде является ее неоднородность – фактическое объединение в рамках одной классификации глагольных форм, одни из которых образованы с помощью словообразовательных «аугментов», в то время как другие – при помощи вокалических трансфиксов. Насколько можно понять (прямо в тексте об этом не говорится), речь идет прежде всего о включении в число «биньянов» основ *pual* и *hofal*, морфологически являющихся не чем иным, как образованными с помощью трансфиксации, т. е. словоизменительным, пассивным залогом соответственно для основ *piel* и *hiḥil*. Действительно, включение этих форм в число «пород» звучит неким диссонансом с об-

щими принципами классификации глагольных основ, тем более что в арабистике формы, аналогичные по происхождению ивритским *pual* и *hofal* (так называемый «внутрифлективный пассив»), в традиционный список «пород» не включаются. Как бы то ни было, возвращение к первоначальному значению термина «*baḥan*», у средневековых еврейских грамматиков обозначавшему совокупность словообразовательных моделей языка вообще (не только глагольных), представляется сегодня невозможным, и автор предлагает полностью отказаться от этого термина.

Материалом исследования в статье Э. Коэн на «Нексус и фокусировка нексуса» послужили эпистолярные тексты на старовавилонском диалекте аккадского языка. Термин «нексус» был введен в лингвистику О. Есперсеном [Jespersen 1924: 114–116] и получил некоторое распространение в современной семитологии. Коэн определяет нексус как «одно из наименований ... предикативной связи между субъектом и предикатом или между темой и ремой» (с. 131). Нексус является одним из трех основных синтаксических отношений, наряду с атрибутивным и объектно-адвербиальным отношением (по этому вопросу подробнее см., например, [Goldenberg 1998]). Понятие «фокуса» для автора не является тождественным понятию «ремы», хотя также, как и последнее, относится к области актуального членения высказывания. Вслед за А. Шиша-Галеви [Shisha-Halevy 1995: 214] и рядом других лингвистов Коэн предлагает отличать «рему» как информационный центр сообщения на уровне клаузы от «фокуса», под которым понимается информационный центр сообщения на сверхклаузальном уровне. В классификации типов фокуса автор придерживается схемы С. Дика [Dik et al. 1980: 48–59], насчитывающего шесть типов фокуса, из которых пятый и шестой соотносятся Э. Коэном с фокусировкой нексуса. «Фокусировка нексуса, как и другие типы контрастного фокуса, имеет место тогда, когда один нексус противопоставляется другому, и показатели подобного фокуса отмечают этот контраст» (с. 133). Вообще говоря, объектом фокусировки может становиться любой из трех компонентов глагольного комплекса – личный показатель, глагольная лексема как таковая или сама предикативная связь между субъектом и предикатом, т. е. нексус. Стандартным средством выражения первых двух типов фокусировки в старовавилонском диалекте является постпозитивная энклитическая частица *ta*, в данной функции способная присоединяться к местоимениям, наречиям, существительным и прилагательным. В противоположность этому, основным средством выражения фокуси-

	утвердительная форма	отрицательная форма
глагольные формы	<i>lū V</i> (или <i>V -u</i>)	<i>lā V -u</i>
неглагольные формы	<i>lū P</i>	<i>lā P</i>

ровки нексуса, как показано в статье на ряде примеров, служит употребление так называемой «ассеверативной парадигмы» (*asseverative paradigm*), общая структура которой может быть представлена в виде таблицы 2.

В этой таблице символом *V* обозначается любая из основных глагольных парадигм (пре-терит, перфект, презенс или статив), а символом *P* – любая именная или наречная группа, функционирующая в качестве ремы. Например, *ullānum ... abīni aōīni rabī u ālik pānīni šarrum šanūm ul ibašši ... ullānum ... abīni ... šum šarrim šanīm kēm u kēm lū epīš* «Помимо (имярек) нашего отца, нашего великого брата и нашего вождя, другого царя нет; (ниже в том же тексте) помимо (имярек) нашего отца..., имя другого царя там и сям упоминается». Выделенные Шиша-Галеви на материале несемитского вавилонского языка [Shisha-Halevy 1995: 163–165] основные особенности фокусировки нексуса находят параллели и в старовавилонских текстах. В соответствии с семантикой Коэн подразделяет случаи встречаемости фокусировки нексуса на три группы и отдельно анализирует каждую из них.

В статье «Модальная частица *tuša* в старовавилонском диалекте» Н. Вассерман анализирует случаи употребления частицы *tuša* (имеющей также вариант *tušāma*) в ряде текстов на старовавилонском диалекте аккадского языка с целью выявить ее точную семантику. Большинство исследователей, так или иначе затрагивавших эту проблематику до сих пор, сходились во взгляде на *tuša* как на частицу со значениями ирреалиса / потенциалиса. Еще в 1946 г., однако, Т. Джейкобсен обратил внимание на то, что основной функцией как *tuša*, так и ряда других аккадских модальных частиц является апелляция к собственному суждению и опыту слушающего [Jacobsen 1946: 137, p. 17]. Примерно к тому же периоду относятся и пронципальное наблюдение В. фон Зодена, который, хотя и считал ирреалис основным значением этой частицы, обратил внимание на то, что *tuša* употребляется только *вне* условных конструкций. Известно, что основной частицей, передающей значение ирреалиса, в аккадском является энклитическая частица *-tan*, употребляющаяся преимущественно в условных предложениях [Каплан 2006: 126], т. е. как раз там, где ирреалис находит свое «прототи-

пическое» применение. Вассерманом проанализированы 27 случаев встречаемости *tuša* в текстах, из которых 16 взяты из писем царского архива в Мари (северо-западная периферия Месопотамии), 8 – из писем, происходящих из центрального Междуречья и 3 – из литературных текстов на старовавилонском диалекте. Главный вывод, к которому приходит автор, может быть сформулирован так: в семантическом отношении *tuša* не обозначает ирреалис, как предполагалось ранее. Это показатель эпистемической модальности, оформляющий сделанное ранее предположение (или общепринятое мнение), которое оказывается ложным. Наилучший способ ее перевода, с точки зрения автора, – «я/ты полагал, что...», если имеются в виду участники речевого акта, и «будто» или «казалось», если *tuša* употребляется в безличном высказывании. В качестве приложения к статье приведены все 27 проанализированных текстов в ассириологической транслитерации с английским переводом. К сказанному стоит добавить, что в пользу выводов Вассермана может свидетельствовать и сама этимология частицы *tuša*. По мнению Г.Х. Каплан (отражающему, надо полагать, общепринятую точку зрения), эта частица восходит к существительному *tuššu(m)* ‘напраслина, враждебные речи’ [Каплан 2006: 125]. Однако предлагаемый ею перевод *tuša* как ‘конечно, пожалуй’, по-видимому, неудачен, в то время как сам приведенный пример (единственный приведенный пример на эту частицу) – *tušāma amtūt baltāku* ‘я живу, как если бы я умер’ – как кажется, укладывается в интерпретацию Вассермана: предположение о том, что ‘я умер’, хотя и отражает некоторую субъективно важную реальность ‘моей’ жизни, оказывается неверным в наиболее существенном смысле соответствия объективной реальности.

Статья Р.-М. Фогта «Южные диалекты языка тигринья: фонология и личные местоимения диалекта май-чоу (Тиграй)» посвящена проблемам фонологии и морфологии языка тигринья, или тиграйского – второго по числу говорящих эфиосемитского языка, распространенного на севере Эфиопии и в центральной части Эритреи. Объектом анализа автора становятся некоторые особенности юго-восточных диалектов тигринья, которые он объединяет в «южную» группу, противопоставленную

остальным территориальным разновидностям языка, составляющим «северную» группу диалектов. В течение нескольких недель Фогт проводил полевые исследования диалекта май-чоу, занимающие в южной группе центральное положение; результаты этих исследований легли в основу статьи. Одна из наиболее характерных черт фонологии южных диалектов, как и литературного тигринья – последовательная спирализация смычных *k*, *kʷ*, *kʰ*, *kʷ* и *b*. В литературном тигринья спирализации обычно подвергаются негеминированные смычные в поствокальной позиции. В диалекте май-чоу, однако, спирализация регулируется иными правилами: 1) спирализируются негеминированные смычные в позиции после гласной, в том числе – в анлауте в случае гласного ауслаута предшествующего слова, если оба слова произносятся без паузы; 2) после согласного, т. е. в начале слога. Второй случай и составляет наиболее характерную особенность диалекта май-чоу; частное, но важное следствие из второго правила – смычные спирализируются и в абсолютном начале слова, даже если предшествующее слово оканчивается на согласный. Таким образом, в этом диалекте имеет место фонологизация противопоставления смычных и щелевых одинакового места образования, так как в заимствованиях данное правило «не работает», ср. май-чоу *xəsad* ‘шея’ vs. *kätäma* ‘город’ (из амхарского). Смычное произношение сохраняется лишь в одной позиции – при геминии, ср. *bäxäyā* ‘он плакал’ vs. *yəbäk:i* ‘он плачет’. Автор останавливается на следствиях из таких фонологических характеристик для описания морфологии диалекта май-чоу. Общий вывод его таков: если в литературном тигринья спирализация является процессом, реализующимся при переходе от уровня морфа к уровню поверхностной фонетической репрезентации, то в май-чоу она реализуется на «ступень» глубже – при переходе от глубинного представления к уровню морфа. Исходя из приведенных данных о фонологии май-чоу, Фогт выдвигает новую гипотезу о происхождении форм некоторых личных местоимений в литературном тигринья, май-чоу и амхарском. Личные местоимения 2-го и 3-го лица здесь образованы при помощи присоединения соответствующих притяжательных суффиксов к основам (*yäs*)s- (май-чоу, в амхарском с вариантом *ars*-) или *näss*- (лит. тигринья). Традиционно амхарские формы считаются происходящими от сочетания существительного **rəyäs* ‘голова’ с притяжательными суффиксами, в то время как формы указанных личных местоимений литературного тигринья производятся от сочетания с теми же суффиксами существительного **näfs* ‘душа’. По мнению Фогта, тот факт, что

для староамхарского языка засвидетельствована такая форма личного местоимения 3-го лица ед. ч. м. р., как *hənsu* [Getatchew Haile 1970: 66], свидетельствует в пользу происхождения как рассматриваемых амхарских форм, так и созвучных форм май-чоу и даже местоимений 2-го и 3-го лица в литературном тигринья из сочетания с суффиксами личной притяжательности не существительных ‘голова’ или ‘душа’, а существительного **kärš* ‘живот, брюхо’ (← прасем. **kariš*-). С фонетической точки зрения предположение Фогта выглядит правдоподобным для амхарского и для май-чоу; труднее вывести отсюда же формы литературного тигринья, однако и это возможно при допущении следующей траектории фонетических изменений: **käršu* → **hərsu* → *hənsu* → **ənsu* → *nəssu* (с перестановкой соседних гласного и согласного). Следует также отметить, что в ходе полевых исследований впервые зафиксированы некоторые специфические глагольные формы май-чоу, не имеющие аналогов в литературном тигринья.

Центральную тему, которой посвящена статья Г. Гольденберга «От речи к письму в стране гураге: первые попытки записи текстов на местном языке», можно сформулировать так: что нового вносит в язык или обнаруживает в языке система письма, когда она начинает систематически применяться по отношению к данному, ранее бесписьменному, языку? В качестве материала для анализа избран ряд текстов на современном эфиосемитском языке кыстане (известном также под названиями «соддо» и «аймэллель»), генетически очень близком к языкам группы гураге, хотя сами носители кыстане возражают против причисления их к этой группе этносов. Вплоть до последнего десятилетия прошлого века кыстане являлся бесписьменным языком, несмотря на спорадические попытки записи текстов, предпринимавшиеся как носителями языка, так и иностранными исследователями начиная со второй половины XIX столетия. После краткого обзора истории этих попыток автор переходит к рассмотрению отдельных аспектов функционирования кыстане как новописьменного языка. Освоение письменности носителями кыстане произошло, с одной стороны, без «руководящего и направляющего» влияния какой-либо организации типа комитета по созданию письменности, с другой же – быстро, гладко и естественно. Письменностью для кыстане стало эфиопское слоговое письмо в его амхарском варианте; набор фонем и фонотактика в кыстане настолько близки к амхарским, что не потребовалось создания каких-либо новых графем. Тем не менее определенные трудности в процессе адаптации амхарского письма

к кыстане все-таки возникали, и касались они преимущественно передачи сочетаний лабиализованных и палатализованных согласных с последующим гласным (известно, что и в орфографии амхарского и тигринья здесь наблюдаются заметные колебания, отчасти отраженные и в поздних текстах на геэзе). В некоторых случаях влияние амхарского правописания оказывалось для кыстане неконструктивным. В лексическом отношении публикуемые в последние годы тексты на кыстане обнаруживают непрерывное пополнение литературного языка различными диалектными и субдиалектными лексемами. Как отмечает в этой связи Гольдсберг, неверным было бы однозначно увязывать массивированнос проникновенис диалектизмов в литературный язык именно с введением письменности; ставший ныне доступным наблюдению феномен скорее лишь обнаруживает ранес малоизвестную внешним исследователям ситуацию активного междиалектного взаимодействия. Кроме того, определенную роль в пополнении словаря играет и влияние иных языков, прежде всего – доминировавшего ранее в культурно-политической жизни страны амхарского. Что касается грамматического строя языка, то введение письменности позволило надежно установить некоторые важные факты, существование которых ранее лишь предполагалось исследователями. Так, твердо установлено, что наряду с бытийной связкой *-(ə)n* используется (хотя и редко) также связка *-и*, что, как пишет автор, «чрезвычайно важно для понимания всей глагольной системы» кыстане (с. 192). В синтаксическом отношении недавно опубликованные тексты на кыстане обнаруживают выраженную тенденцию к построению длинных периодов, могущих даже показаться «громоздкими» носителям языков иной синтаксической типологии; главной (финальной) предикации в подобных периодах предшествует несколько (иногда вложенных друг в друга) второстепенных предикаций, сказуемые которых выражаются либо конвербами, либо различными союзными глагольными формами. Тенденция эта хорошо известна по текстам на амхарском, тигринья и ряде других языков Эфиопии и Эритреи, как семитских, так и несемитских. Более того, можно с достаточно большой уверенностью утверждать, что она свойственна вообще «жестким» левоветвящимся языкам (к которым относятся большинство алтайских, дравидийских, многие америндские и др. языки). В то же время разговорный стиль речи на этих языках отличается менее последовательным левым ветвлением и широким использованием выноса некоторых членов предложения вправо от главного сказуемого (типа русск. *В Киеве у него зять есть, доктор*; в терминологии

рассматриваемой статьи этот прием носит название «sentence-plus»), не представляя в этом отношении никакого серьезного отличия от разговорной речи на правоветвящихся языках. Некоторые примеры высказываний с подобным построением, проникшие в письменные тексты, приведены в конце статьи.

Арабская языковедческая традиция оказывала и продолжает оказывать большое влияние на современных лингвистов, причем не только в изучении классического арабского языка, но и в общей семитологии. Статья Р. Тальмона «Два этюда об арабском тамйизе» посвящена одному из наиболее сложных понятий традиционной арабской грамматики, история которого насчитывает уже много столетий. Термином тамйиз (арабск. *tamyiz* 'выделение, различение') в арабской грамматике обозначается одна из наиболее часто встречающихся функций винительного падежа, наиболее близкая к *accusativus relationis / limitationis* античной языковедческой традиции (например, *rāqūdun òallan* 'большой сосуд уксуса'; *wafağğarnā l-ýarda Ýuyūnan* 'и извели мы (т. е. Аллах) из расселин земли источники' – Коран 54:12). В общей падежной типологии достаточно распространен взгляд на арабский аккумулятив как на универсальный падеж, маркирующий синтаксическую зависимость имени от глагола (ср., например [Плунгян 2009: 163], со знаменательной оговоркой: «в первом приближении»). Единственной функцией арабского винительного падежа, зачастую противоречащей подобному пониманию его природы, как раз и является тамйиз. Категория тамйиза внутренне устроена весьма сложно; при этом практически все грамматисты единодушны в том, что главная граница внутри самой категории пролегает между приименным и приглагольным употреблением «аккумулятива отношения». Первая часть («первый этюд») статьи Тальмона посвящена складыванию содержательного наполнения термина «тамйиз». О четком выделении категории тамйиза можно говорить только начиная с самого конца IX в. Полностью разработано учение о тамйизе в современном понимании было лишь после XIII столетия. Вслед за первой («тематической») частью работы автор предлагает разработанную им на основе анализа корпуса из 173 примеров внутреннюю классификацию категории тамйиза. Классификация претендует на исчерпывающий характер.

Израильский арабист И. Блау в течение многих лет занимается исследованием различных аспектов среднеарабского языка. Вошедшая в сборник статья озаглавлена «Реконструкция новоарабских диалектных черт по среднеарабским текстам». Термин «новоарабский» (Neo-Arabic) у Блау относится к сово-

купности современных разговорных арабских языков и противопоставляется в рамках статьи как классическому арабскому языку, так и среднеарабскому – языку, на котором написана значительная часть арабской литературы Средневековья. Современные разговорные языки арабского мира отделяет от возникновения новоарабского языкового типа более 1000 лет, причем на ранних этапах формирования «новоарабского» связные тексты на нем практически не фиксировались на письме. Однако самые разноплановые особенности, характерные для современных арабских языков, в изобилии встречаются в текстах на среднеарабском языке. Автор отмечает, что каждый из приводимых им подобных лексических и грамматических феноменов сам по себе обладает сравнительно небольшой значимостью, но все вместе они дают адекватное представление о большой степени сходства между ранней и поздней стадией развития «новоарабского». Многие из приведенных Блау лексических инноваций, характерных для современных арабских языков, впервые засвидетельствованы в тех текстах на арабском (происходящих из самых разных регионов арабского мира), которые составлялись евреями. Причину этого, по нашему мнению, следует видеть в том, что литература арабоязычных евреев испытывала менее выраженное стандартизирующее влияние норм классического языка, нежели литература их соседей-мусульман. Во второй части статьи объектом рассмотрения является отражение в среднеарабских текстах одного из грамматических феноменов, характеризующих большую часть современных арабских языков – употребления окончания *-ā* (вместо классического *-an*) в качестве показателя наречий.

Статья О. Ястрова «Арабские говоры Кармельского побережья» явилась итогом шести недель полевых исследований, проведенных автором в 1999 г. в ряде арабских населенных пунктов, расположенных в районе горного массива Кармель в прибрежной части северо-западного Израиля, а также в районе так называемого «Треугольника», географически примыкающего к массиву Кармель с востока и юго-востока. В наши дни на Кармеле существуют лишь две арабские деревни: Фурейдис (Фрадис; около 8,5 тыс. жителей) и Джисир из-Зарга с примерно таким же количеством жителей. Около двух десятилетий назад поблизости существовало еще одно арабское поселение – маленькая деревня иль-Мифджар; ныне ее жители проживают в различных населенных пунктах «Треугольника». Ястров исследовал речь обитателей обеих сохранившихся деревень и работал также с выходцами из иль-Мифджара. В ходе анализа ему удалось выявить

наличие в районе Кармеля четырех различных арабских говоров (в терминологии, принятой в статье, для обозначения данного понятия используется английское слово *dialect*), так как население деревни Джисир из-Зарга, принадлежащее к разным кланам, говорит на двух различных диалектах, обозначенных автором как Джисир I и Джисир II. Основная часть статьи представляет собой краткий очерк основных особенностей фонетики и морфологии этих диалектов. Общий вывод автора статьи состоит в следующем: в то время как более 20 известных диалектов арабов «Треугольника» проявляют высокую степень однородности в структурном и материальном планах, всего 4 кармельских диалекта обнаруживают значительные расхождения друг с другом. И все же, по мнению О. Ястрова, диалекты Кармеля представляют собой достаточно четко выделяемое единство: все они, в отличие от диалектов «Треугольника», сохраняют долгую гласную в формах м. р. глаголов со средним «слабым» корневым согласным; во всех четырех присоединение в спряжении суффикса ж. р. *-in* не влечет за собой сокращения гласных основы (в том числе и в глаголах со средним «слабым» радикалом).

В статье «Насколько междиалектной является периферийная устная бедуинская поэзия?» Р. Хенкин пытается дать ответ на вопрос о том, в какой степени древняя бедуинская поэзия сохранила до наших дней четко выраженный наддиалектный характер на фоне достаточно радикальной перестройки слоговой структуры слова в большинстве современных разговорных арабских языков. В качестве материала для анализа выступают произведения устного поэтического творчества бедуинов трех периферийных по отношению к Аравийскому полуострову ареалов: Иордании, пустыни Негев и Синайского полуострова, а также (как эталон сравнения) стихотворения бедуинов Аравийского полуострова, опубликованные в ряде сборников, вышедших в свет на протяжении XX века. Вывод, к которому автор приходит в результате анализа, таков: на поверхностном («речевом») уровне бедуинская поэзия строится из «кирпичиков» структуры данного диалекта, однако в ней постоянно встречаются наддиалектные черты, отражающие более глубокий («языковой») уровень. Это положение, вообще говоря, противоречит утверждению, сделанному много десятилетий назад А. Социном: «Стихотворения представляют не какой-либо местный или племенной диалект, а скорее некую разновидность конвенционального поэтического языка, на которую, тем не менее, оказывает существенное влияние диалект стихотворца и декламаторов» (цит. по [Palva 1976: 44]).

Таким образом, на протяжении столетия в поэтическом творчестве арабов-бедуинов произошли серьезные изменения, отражающие, по-видимому, изменение соотносительного социолингвистического статуса классического арабского языка и разговорных языков арабского мира.

Небольшая по объему статья Р. С а а р и «Несколько замечаний о мальтийских предложениях итальянского происхождения» представляет собой ряд описательных очерков синтаксического употребления четырех простых мальтийских предлогов итальянского происхождения: *favur* 'в пользу', *kontra* 'против', *rigward* 'относительно, касательно' и *skond* 'в соответствии с'. Статья имеет достаточно частный характер и не претендует на какие-либо обобщения. Что касается конкретных положений автора, одно из них нам представляется не вполне точным: по нашему мнению, в случае предлога *favur* источником заимствования послужил не (литературный) итальянский, а сицилийский язык (ср. сицилийское *favuri* при ит. *favore*).

В статье «Content expressions в библейском иврите» Т. Зеви анализирует разнообразные синтаксические явления, связанные с экспликацией содержания речевого, мыслительного, волевого или познавательного акта, которым О. Есперсен в своем фундаментальном труде по английской грамматике [Jespersen 1909–1949, 5: 23–24] впервые присвоил наименование *content clause*. Общепринятого русск. эквивалента этого термина до сих пор не существует, а наиболее близким (хотя и не тождественным) представляется термин «придаточное изъяснительное». Ср., например: *И увидел Бог, что это хорошо* (Бытие 1:21) или *И освятил его, ибо в оный* (ср. день) *почил от всех дел Своих* (Бытие 2:3). В библейском иврите подобные клаузы и фразы вводятся с помощью *kī*, *šā* и (реже) *yāšār*, а также бессоюзно или при помощи сопряженного инфинитива, и в традиционных и современных грамматиках почти никогда не рассматриваются как отдельный феномен, а группируются в зависимости от конкретных синтаксических ролей, исполняемых ими в предложении. Единственным исключением в гебраистике является грамматика Вальтке – О'Коннора [Waltke, O'Connor 1990: 644–646]. Рассмотрев целый ряд текстовых примеров из еврейской Библии, Зеви приходит к заключению о том, что исчерпывающее синтаксическое описание *content expressions* должно составляться с учетом того, какие части речи замещаются с помощью *content expressions* и какие синтаксические функции они выполняют; первостепенным значением обладает тот факт, что они выражают абстрактное содержание номинализованной клаузы.

В статье «Пассивное причастие в современном иврите» Д. Таубе исследует статус, семантику и синтаксические функции причастных форм пассивного залога в текстах на современном иврите. Ей удается установить неправильность некоторых воззрений на значение пассивных причастий, ранее считавшихся общепринятыми. Показано, что причастия моделей *mefo'ul* и *muf'ul* (так называемый «внутрифлективный пассив») наряду со стативной семантикой, сближающей их с прилагательными, регулярно имеют и фиентивное (акциональное) значение и поэтому интегрированы в видо-временную систему глагола. Вообще, причастия моделей *ra'ul*, *nif'ul*, *mefo'ul*, *muf'ul* и *mitra'el* образуют единую систему с противопоставлениями на двух уровнях: на уровне акционального пассива (агентивно-пациентивные отношения и временные оппозиции) и на уровне неакционального пассива (различные оттенки пассива и аспектуальные значения). Более того, в систему неакционального пассива автором включаются не только собственно причастные формы, но и финитные формы *ru'ul* и *hof'ul*, что также обосновывается анализом текстовых примеров.

Исследование Т. Бар, озаглавленное «Выделительная конструкция в современном иврите», представляет собой, насколько можно судить, первую в мировой лингвистике работу, специально посвященную этому виду предложений в израильском иврите. Выделительная конструкция – это один из наиболее частых в языках мира приемов рематизации одного из членов исходного предложения: рематизация осуществляется путем расщепления исходного предложения на две новые предикации, одна из которых становится информационным центром сообщения, а другая, заняв позицию темы, претерпевает номинализацию с помощью доступных данному языку средств (ср., например, следующую пару английских предложений: *Her father arrived yesterday* / *It's her father who arrived yesterday*). Как таковая, выделительная трансформация противоположна трансформации топикализации. Выделительные конструкции чрезвычайно распространены в современном иврите, характеризуя в основном разговорный стиль речи и язык СМИ; в то же время они в целом не характерны для нарратива, редки также в библейском и мишнаитском иврите. В статье предпринята попытка описать строение выделительных конструкций с рематизацией различных членов исходного предложения и отрицательных выделительных конструкций. Анализируется употребление риторических вопросов, построенных по модели выделительной конструкции. Рассматриваются

также вопросы глагольного согласования в номинализированной части предложения (демонстрируется равная возможность как наличия, так и отсутствия согласования; по всей видимости, осуществление согласования является полностью факультативным).

Ряд статей сборника посвящены проблемам общей теории грамматики. К ним относятся работы М. Раурет, С. Хопкинса, М. Эрдала и П. Кирчука-Галеви.

В своей небольшой статье «‘Связка’: слово, ‘пришедшееся кстати’» М. Раурет высказывает ряд соображений по поводу способов оформления связочной предикации в классических семитских языках. Как известно, в этих языках для высказываний плана настоящего времени отсутствуют глагольные связи типа англ. *to be* или нем. *sein*; предикация в именном предложении реализуется либо (чаще) при помощи простого линейного соположения подлежащего и сказуемого, либо (реже) при помощи личных местоимений 3-го лица или же указательных местоимений (ср. русск. *Москва – это столица России*), играющих, таким образом, роль, в принципе аналогичную роли глагольной связи в большинстве европейских языков. Автор высказывает сомнения в правомерности именованной этих двух феноменов единым термином «связка». За текстом статьи следует более или менее репрезентативная подборка высказываний известных гебраистов, семитологов и теоретиков общего языкознания относительно природы «связочных» элементов в семитских языках; подборка призвана продемонстрировать непоследовательность лингвистов различных направлений в определении точного значения термина «связка».

Статья С. Хопкинса озаглавлена «“That monster of a man” и эмоциональный генитив». Автор рассматривает особую синтаксическую конструкцию словосочетания, в семантике которой практически всегда преобладающим является эмоционально-оценочный компонент. Конструкция достаточно широко применяется в английском языке; Хопкинс приводит многочисленные примеры ее употребления как из англоязычной литературы, так и из текстов на различных германских и романских языках, на ирландском, турецком, персидском, восточных новоарамейских, амхарском, арабском (современные разговорные языки) и современном иврите. Что касается библейского иврита, то приводимые автором примеры, как подчеркивает и он сам, не могут считаться несомненным свидетельством наличия этой конструкции в языке Ветхого Завета; приходится признать, что на сегодняшний день существование «эмоционального генитива» в библейском иврите остается недоказанным. Следует также отметить,

что, несмотря на внушительность библиографического списка в конце статьи, автором не включены в него публикации М. Копчевской-Тамм, так или иначе затрагивающие данную тему, например, статья [Koptjevskaja-Tamm 2003].

Статья М. Эрдала «Субстантивное подлежащее первого и второго лица» на материале генетически и типологически разнородных языков демонстрирует интересное явление из области личного согласования предиката с его субъектом. Известно, что в большинстве языков глаголы с субъектным согласованием по 1-му и 2-му лицу имеют в качестве подлежащего соответствующие личные местоимения, а при подлежащем, выраженном существительным, вопросительным или относительным местоимением, сказуемое должно иметь форму 3-го лица. Автор статьи ставит перед собой задачу показать, что в целом ряде языков это правило не соблюдается. Для этого Эрдал привлекает текстовые примеры из латыни, древнегреческого, тюркских (языка орхоно-снисейских надписей, древнеуйгурского, турецкого), старописьменного монгольского, испанского, а также библейского и современного иврита. Как явствует из этих примеров и как подчеркивает сам автор, глагол в 1-м или во 2-м субъектном лице имеет субстантивное подлежащее в тех случаях, когда говорящий полагает, что слушающий не в состоянии правильно идентифицировать его, говорящего (глагол в 1-м лице) или же тогда, когда, по мнению говорящего, слушающий не вполне осознает, что в данной коммуникативной ситуации слушающим является именно он, а не кто-то иной (глагол во 2-м лице). В основных западноевропейских языках глагол в подобных случаях нормативно согласуется с подлежащим по 3-му лицу (ср. англ. *Your most humble servant has received the letter*). В противоположность этому, например, османно-турецкий эквивалент этого же предложения демонстрирует согласование глагола по 1-му лицу (*Bendeniz mektubu aldım*). Контраст между моделями согласования особенно ярко виден, если сравнить ставшее хрестоматийным предсмертное восклицание Нерона, которое у Светония имеет вид *Qualis artifex pereo!* с его стандартным русским переводом *Какой артист погибает!* Что касается приводимых примеров на согласование глагола с субстантивным подлежащим по 2-му лицу, то они свидетельствуют о том, что подлежащее таких предложений по крайней мере в некоторых случаях не может рассматриваться как частный случай оформления вокатива. Некоторым недостатком статьи можно считать отсутствие в тексте гипотез или эксплицитно сформулированных выводов относительно возможного происхождения рас-

сма­три­вае­мо­го раз­ли­чия в спо­со­бах со­гласо­ва­ния ска­зуе­мо­го.

К ста­тьям, по­свя­щен­ным об­щей те­о­рии грам­ма­ти­ки, тес­но при­мы­кает ра­бо­та А. Ши­ша-Га­ле­ви «О кон­вер­сии, под­чи­не­нии пред­ло­же­ний и смеж­ных по­ня­ти­ях: не­ко­то­рые раз­мыш­ле­ния о по­лоц­киан­ской и об­щей мо­де­лях». Глав­ной це­лью ав­то­ра яв­ля­ет­ся вы­яс­не­ние со­от­но­ше­ния ме­жду син­так­си­че­ски­ми тер­ми­на­ми и обо­зна­чае­мы­ми ими ре­а­ли­я­ми; пред­ме­том осо­бо­го вни­ма­ния ста­но­вит­ся ис­поль­зо­ва­ние Х.-Я. По­лоц­ким тер­ми­нов «кон­вер­тер» и «кон­вер­сия» (англ. «converter» и «conversion»). Как из­вест­но, тер­ми­ны эти впер­вые по­яв­ля­ют­ся в ко­пто­ло­гиче­ских ис­сле­до­ва­ни­ях По­лоц­ко­го, а по­зд­нее они ста­ли при­мен­ять­ся его по­сле­до­ва­те­ля­ми при изу­че­нии грам­ма­ти­ки египет­ско­го и ря­да дру­гих язы­ков. По м­не­нию Ши­ша-Га­ле­ви, на­чи­ная с 1970-х го­дов сам По­лоц­кий по­сте­пен­но от­ка­зы­ва­ет­ся от раз­ра­бо­тан­ной им ран­ее кон­цеп­ции «кон­вер­сии» из-за пре­об­ла­да­ния в ней при­оритет­а апри­ор­ных ло­гиче­ских ка­те­го­рий над грам­ма­ти­че­ски­ми фак­та­ми.

Сбор­ник за­вер­ша­ет­ся объе­ми­стой ста­тьей П. Ки­р­чу­ка-Га­ле­ви «Язык: ти­по­ло­гиче­ский, функ­ци­о­наль­ный, ког­ни­тив­ный, био­ло­гиче­ский и эво­лю­ци­он­ный под­хо­ды». В сво­ем пред­ис­ло­вии к сбор­ни­ку из­да­те­ли ха­рак­те­ри­зу­ют ста­тью Ки­р­чу­ка-Га­ле­ви как «ам­би­ци­оз­ную по­пыт­ку со­вер­шить то­таль­ную ре­во­лю­цию в лин­г­ви­сти­ке» (с. xix). Ос­нов­ны­ми те­ма­ми ра­бо­ты яв­ля­ют­ся при­ро­да вза­им­о­от­но­ше­ния ме­жду язы­ко­вы­ми зна­ка­ми и пред­ме­та­ми вне­язы­ко­вой дей­стви­тель­но­сти, ме­жду язы­ком и мыш­ле­ни­ем, ме­жду спо­соб­но­стью к ус­во­е­нию язы­ка и ре­че­вой де­я­тель­но­стью. В ка­че­стве не­до­стат­ков поро­жда­ю­щей грам­ма­ти­ки – од­но­го из ос­нов­ных те­че­ний в лин­г­ви­сти­ке XX ве­ка – ав­тор ука­зы­ва­ет аб­со­лю­ти­за­цию ро­ли грам­ма­ти­ки в си­сте­ме язы­ка, све­де­ние язы­ка к грам­ма­ти­ке, а грам­ма­ти­ки – к фо­но­ло­гии и син­так­си­су. В этом ав­тор ус­ма­три­ва­ет зна­чи­тель­ное сход­ство ме­жду эти­ми дву­мя ос­нов­ны­ми лин­г­ви­сти­че­ски­ми шко­ла­ми XX сто­ле­тия: ге­не­ра­тивиз­мом и хро­но­ло­гиче­ски пред­шес­тво­вав­шим ему струк­ту­ра­лиз­мом. Тра­ди­ци­он­ный струк­ту­ра­лиз­м изу­ча­ет пре­иму­ще­ствен­но си­сте­му язы­ка, про­яв­ляя тен­ден­цию к рас­смот­ре­нию ее как ста­ти­че­ско­го, а не как ди­на­ми­че­ско­го фе­но­ме­на. В этой-то тен­ден­ции струк­ту­ра­лиз­м и смы­ка­ет­ся с ге­не­ра­тивиз­мом. Ме­жду тем на со­вре­мен­ном эта­пе раз­ви­тия язы­ко­зна­ния на­зре­ла на­суш­ная не­об­хо­ди­мость в аде­кват­ной оцен­ке че­ло­ве­че­ско­го фак­то­ра – как анато­мии и физио­ло­гии, так и пси­хо­ло­гии поль­зую­щих­ся язы­ком ин­ди­ви­да и со­ци­ума. Ки­р­чук-Га­ле­ви ут­вер­жда­ет, что раз­ли­чие ме­жду сос­сю­ров­ской и хом­скиан­ской лин­г­ви­сти­кой, с од­ной сто­ро­ны,

и его соб­ствен­ны­ми пред­став­ле­ни­я­ми о язы­ке, с дру­гой, по­доб­но раз­ли­чию ме­жду нью­то­нов­ской физи­кой и кван­то­вой те­о­ри­ей. Язык пред­став­ля­ет со­бой не langue в сос­сю­ров­ском смы­сле это­го тер­ми­на – зна­ко­вую си­сте­му с чет­ко за­дан­ны­ми грам­ма­ти­кой и сло­варем, с кол­лек­тивом го­во­ря­щих, каж­дый из ко­то­рых на­де­лен аналитиче­ски­ми спо­соб­но­стя­ми и па­мя­тью и неуклонно сле­ду­ет пра­ви­лам, за­да­вае­мым этой си­сте­мой – а си­сте­му, ус­тро­ен­ную несрав­не­но более слож­ным об­ра­зом, в ко­то­рой чрез­вы­чай­но зна­чи­тель­ная роль при­над­ле­жит раз­но­об­раз­ным ком­му­ни­ка­тив­ным, экс­прес­сив­ным и праг­ма­ти­че­ским фак­то­рам. «Язык сле­ду­ет срав­ни­вать не с го­рой, а с айс­бергом, и грам­ма­ти­ка, с син­так­си­сом на са­мой вер­шине, яв­ля­ет­ся лишь его ви­ди­мой ча­стью» (с. 496). Ав­тор и­ме­ну­ет свой под­ход к ис­сле­до­ва­нию язы­ка «ко­пер­ни­ков­ской ре­во­лю­цией в лин­г­ви­сти­ке» (с. 495). К серь­ез­ным кон­цеп­туаль­ным не­до­стат­кам ста­тьи от­но­сят­ся, во-пер­вых, тен­ден­ция к аб­со­лю­ти­за­ции прин­ци­па ико­нич­но­сти язы­ко­во­го зна­ка в ущерб урав­но­ве­ши­ва­ю­ще­му его прин­ци­пу произ­воль­но­сти зна­ка и, во-вто­рых, не­раз­ли­чие двух по­ня­тий – зна­ме­на­тель­ной мор­фе­мы есте­ствен­но­го язы­ка, яв­ляю­щей­ся носите­лем лек­си­че­ско­го зна­че­ния лек­се­мы, с од­ной сто­ро­ны, и эти­мо­на дан­ной лек­се­мы, с дру­гой. Оба по­ня­тия Ки­р­чук-Га­ле­ви обо­зна­ча­ет тер­ми­ном «ко­рень»; раз­ра­бо­тан­ную им на ос­но­ве по­доб­но­го под­хо­да те­о­рию «дву­х­фо­не­м­но­сти» се­мит­ско­го кор­ня от­ли­ча­ет сме­ше­ние син­хрониче­ско­го и диа­хрониче­ско­го пла­нов в ис­сле­до­ва­нии струк­ту­ры сло­ва. При всем этом, как оп­ять-та­ки пи­шут из­да­те­ли в сво­ем ре­зю­ме ста­тьи, ее «стиль, к со­жа­ле­нию, может за­ста­вить чи­та­те­ля про­йти ми­мо не­сколь­ких важ­ных на­блю­де­ний» (с. xix). Ста­тья Ки­р­чу­ка-Га­ле­ви на­пи­са­на в ру­сле со­вре­мен­но­го функ­ци­о­на­лиз­ма, ра­бо­ты ос­нов­ных те­о­ре­ти­ков это­го на­прав­ле­ния (Т. Ги­во­на, Р. Ди­кс­она, Э. Ко­се­риу, А. Веж­би­ц­кой) вклю­че­ны ав­то­ром в би­блио­гра­фиче­ский спи­сок.

В це­лом вы­ход в свет сбор­ни­ка, по­свя­щен­но­го па­мя­ти Х.-Я. По­лоц­ко­го, пред­став­ля­ет со­бой до­ста­точ­но круп­ный шаг впе­ред в обла­сти срав­ни­тель­но-ис­то­ри­че­ско­го и струк­ту­ро-ти­по­ло­гиче­ско­го ис­сле­до­ва­ния язы­ков двух се­мей аф­ра­зий­ской мак­ро­се­мьи, мак­си­маль­но пред­став­лен­ных пись­мен­ны­ми па­мят­ни­ка­ми, – се­мит­ско­й и египет­ско­й. Сле­ду­ет осо­бо от­метить бо­га­тые эм­пи­ри­че­ским ма­те­ри­алом и весь­ма пло­до­твор­ные в те­о­ре­ти­че­ском от­но­ше­нии ста­тьи В. Шен­ке­ля и В. Пе­те­ра-Фун­ка, а так­же в оп­ре­де­лен­ной сте­пени пи­онер­ское ис­сле­до­ва­ние Т. Бар.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Каплан 2006 – Г.Х. Каплан. Очерк грамматики аккадского языка. СПб., 2006.
- Плунгян 2009 – В.А. Плунгян. Общая морфология: введение в проблематику. 3-е изд., испр. и доп. М., 2009.
- Dik et al. 1980 – S.C. Dik et al. On the typology of focus phenomena // *GLOT. Leids Taalkundig bulletin*. 3. 1980.
- Getatchew Haile 1970 – *Getatchew Haile*. Archaic Amharic forms // *Proceedings of the Third International conference of Ethiopian studies*. V. II. Addis Ababa, 1970.
- Goldenberg 1998 – G. Goldenberg. Syntactic relations and typology in Semitic languages // G. Goldenberg. *Studies in Semitic linguistics*. Jerusalem, 1998.
- Jacobsen 1946 – Th. Jacobsen. The Sumerian mythology: a review article // *Journal of Near Eastern studies*. 5. 1946.
- Jespersen 1909–1949 – O. Jespersen. A modern English grammar on historical principles. V. 1–7. London; Copenhagen, 1909–1949.
- Jespersen 1924 – O. Jespersen. *Philosophy of grammar*. London, 1924.
- Koptjevskaja-Tamm 2003 – M. Koptjevskaja-Tamm. Possessive NPs in the languages of Europe // F. Plank (ed.). *Noun phrase structure in the languages of Europe*. Berlin, 2003.
- Palva 1976 – H. Palva. Studies in the Arabic dialect of the semi-nomadic əl-Ājārma (al-Balqāy district, Jordan) // *Orientalia Gothoburgensia*. 2. 1976.
- Polotsky 1944 – H.-J. Polotsky. *Études de syntaxe copte*. Le Caire, 1944.
- Polotsky 1960 – H.-J. Polotsky. The Coptic conjugation system // *Orientalia*. 29. 1960.
- Polotsky 1965 – H.-J. Polotsky. Egyptian tenses // *Proceedings of the Israel Academy of sciences and humanities*. V. II. № 5. Jerusalem, 1965.
- Polotsky 1976 – H.-J. Polotsky. Les transpositions du verbe en égyptien classique // *Israel Oriental studies*. 6. 1976.
- Shisha-Halevy 1995 – A. Shisha-Halevy. Structural sketches of Middle Welsh syntax // *Studia celtica*. 29. 1995.
- Waltke, O'Connor 1990 – B.K. Waltke, M. O'Connor. *An introduction to Biblical Hebrew syntax*. Winona Lake, 1990.

И.А. Фридман, С.В. Малышев